

Глава первая ТОПХЭТ СДАЕТ СВОИХ

Для измены родине нужна чрезвычайная
низость души.

*Николай Чернышевский,
писатель, литературный критик*

Понедельник, 30 октября 1961 года, Нью-Йорк

В этот день, 30 октября, случилось неожиданное событие для полковника Фейхи — сотрудника американской военной миссии при Военно-штабном комитете (ВШК) Организации Объединенных Наций. После семи вечера в офисе раздался телефонный звонок. Подняв телефонную трубку, Фейхи услышал взволнованный мужской голос:

— Это говорит полковник Генерального штаба Вооруженных сил СССР Дмитрий Поляков¹. Начальник секретариата советской военной миссии при ВШК.

— Здравия желаю, мистер Поляков, — поспешно ответил американец. — Слушаю вас.

— Мне необходимо по неотложному делу встретиться с руководителем вашей миссии генералом О'Нейли...

Фейхи почувствовал в голосе русского полковника большое волнение и подумал о том, что, наверное, произошло что-то непредвиденное, из ряда вон выходящее. Поначалу он несколько растерялся, потом вежливо ответил:

¹ По показаниям Д. Ф. Полякова в процессе следствия в Следственном управлении КГБ СССР.

— Хорошо, я доложу о вашей просьбе генералу, но только завтра. Сегодня его в офисе не будет. А что у вас случилось?

Наступило короткое молчание: теперь уже Поляков растерялся, не зная как лучше ответить. Дыхание его в трубке заметно участилось, и он тихо, с некоторым раздражением, обронил:

— О том, что у меня случилось, я расскажу вашему генералу. — И он положил трубку, даже не попрощавшись с американским полковником.

Подойдя к окну, Поляков вдруг как-то особо остро почувствовал свое одиночество, и как будто все вокруг него стало ненадежно. В голове возникли большие сомнения: «Стоило ли говорить Фейхи о своем намерении встретиться с руководителем американской миссии генерал-лейтенантом О'Нейли? И при этом еще подчеркивать: по неотложному, важному делу? Не дай бог, этот Фейхи проболтается кому-нибудь из знакомых советских граждан, командированных на работу в ООН?!»

После таких тягостных размышлений ему стало страшно, как будто после звонка в офис американского генерала за его спиной начали совершаться какие-то сделки и его самого уже продают кому-то.

На самом деле так оно и было. В тот же вечер, 30 октября, полковник Фейхи позвонил в Федеральное бюро расследований США и сообщил о коротком телефонном разговоре с советским полковником Дмитрием Поляковым.

Среда, 1 ноября, ФБР

В среду утром руководитель советского отдела контрразведки ФБР Джеймс Нолан проснулся с сильной головной болью. Она явилась следствием беспокойной ночи и мучивших его кошмаров до самого рассвета, а потом и размышлений о загадочном звонке советского полковника в резиденцию генерала О'Нейли. «Что нужно этому русскому? Почему он не сказал, для чего нужна ему эта встреча с высокопоставленным официальным представителем США в ООН? И вообще, кто он — этот русский? “Чистый” военный дипломат или разведчик?» Решив, что многое должны прояснить материалы слежки за ним и, возможно, имеющееся на него досье в архиве, Нолан немного успокоился. Потом торопливо побрился,

порезавшись при этом, что с ним случалось редко, принял холодный душ и, чтобы не тратить время на приготовление завтрака, сразу приступил к решению служебных вопросов: набрал номер телефона Дэвида Мэнли¹ — специалиста ФБР по Советскому Союзу.

Тот ответил не сразу. Услышав сонный, глухой голос Мэнли, Нолан, не извиняясь перед ним за ранний звонок — не было еще и восьми утра, с раздражением предупредил его:

— Ты должен быть у меня сегодня между десятью и половиной одиннадцатого со всеми материалами, которые должен был вчера собрать в архиве.

Ответа не последовало.

— Ты меня понял?

— Да, мистер Нолан, — еле слышно ответил Мэнли заспанным, вялым голосом.

Этот тихий, вялый голос привел начальника отдела в бешенство:

— Так у тебя есть что докладывать или нет?!

— Есть.

— Ну хорошо. Я жду тебя.

Ровно в десять Дэвид Мэнли вошел в кабинет шефа и, положив перед ним толстую папку с документами, направился к сидевшему за приставным столом мужчине лет пятидесяти. Это был известный в ФБР разработчик острых операций, направленных против Советского Союза Джон Мори². Исполненный достоинства высокий, седовласый Мори поднялся из кресла, сделал шаг навстречу Мэнли и, крепко пожав ему руку, спросил:

— Ты ознакомился уже с материалами этой папки?

— Да.

— Прекрасно, — отозвался Мори, затем повернулся к читавшему сводки наружного наблюдения Нолану и громко, чтобы тот услышал, спросил: — А может, мы послушаем Дэвида, что интересного содержат принесенные им сводки? Я говорю это к тому, чтобы мне не тратить потом время на ознакомление с ними.

Нолан, отложив в сторону папку, откашлялся и сказал:

¹ Имя и фамилия изменены.

² При допросах в Следственном отделе КГБ Д. Ф. Поляков называл его Джоном Муром.

— Я согласен с тобой, мистер Мори. Пожалуйста, Дэвид... Можешь сидя докладывать.

— Спасибо, мистер Нолан... Основываясь на досье, которое было заведено нами в мае пятьдесят первого года, и на сводках наружного наблюдения тех лет, а также прошлого и нынешнего года, у меня нет сомнений, что полковник Поляков является советским разведчиком...

Джон Мори и Джеймс Нолан удивленно переглянулись.

— А теперь позвольте мне изложить свои доказательства, — продолжал Мэнли. — Я постараюсь быть очень кратким...

— Нет, давайте лучше поподробнее, — возразил начальник отдела.

— О'кей. Начну с первой его командировки в нашу страну: с мая пятьдесят первого по июль пятьдесят шестого года. В то время он являлся офицером для поручений при Представительстве СССР в Военно-штабном комитете ООН. Имел звание подполковника. Через два года его назначают начальником секретариата ВШК этого же Представительства. Кстати, неплохая для разведчика должность прикрытия. При выходах в город он профессионально выявлял нашу слежку, а в ряде случаев и уходил от нее. Так было, например, при посещении банка и переводе денег в одну из гостиниц Лос-Анджелеса...

— А установлено кому именно в Лос-Анджелесе переводились эти деньги? — спросил Мори. — Это, во-первых. Во-вторых...

— А во-вторых, — не дал ему договорить начальник отдела, — были ли при первой его командировке выявлены какие-либо контакты, представляющие для нас интерес?

— На оба ваших вопроса отвечаю отрицательно: нет.

На лице Джона Мори появилось изумленное выражение. Нолан в это время продолжал молча просматривать досье на Полякова. Когда он обнаружил что-то интересное в папке, то, вскинув голову, спросил:

— А как ты, Дэвид, можешь расценивать выступление мистера Полякова в октябре пятьдесят третьего года на совещании сотрудников советских учреждений в Нью-Йорке?

— Вы имеете в виду, — подхватил Мэнли, — высказанную им неправильную с позиций руководства СССР точку зрения в отно-

шении постановки вопроса советской делегацией на восьмой сессии ООН?

— Да, я это имел в виду. Практически он выступил на том совещании с антисоветских позиций по вопросу разоружения пяти великих держав на одну треть всех вооруженных сил. Поляков заявил тогда, что вопрос о разоружении уже неоднократно ставился советской делегацией и ни разу не получал поддержки со стороны остальных членов ООН. И что снова ставить его в повестку дня не следовало бы, подчеркнув при этом, что этот вопрос потерял уже всякую остроту. Как ты думаешь, Дэвид, что должно было последовать в отношении Полякова после такого смелого, антиправительственного выступления?

Мэнли откинулся на спинку кресла и спокойно произнес:

— Насколько мне известно, компартия Советского Союза никогда и никому не позволяла отклоняться от своего внешнеполитического курса. Если же кто-то из членов партии шел вразрез с ее установками и не согласен был с ее политической линией, тех изгоняли из ее рядов, а иногда даже и расстреливали.

— Так он коммунист или нет? — поинтересовался Мори.

— Да, он — член Коммунистической партии Советского Союза.

— Тогда по логике вещей, — продолжал Мори, — он должен бы быть исключенным из партии и откомандированным в Москву. Но ни того ни другого не было сделано. Мало того, он во второй раз приезжает в Нью-Йорк, как ни в чем не бывало, на свою прежнюю должность в Военно-штабной комитет... Так о чем это может свидетельствовать?

— Разумеется, о сокрытии бывшим руководством Полякова его антипартийного выступления в Нью-Йорке.

— Наверное, так оно и было, — задумчиво произнес Нолан. — Иначе бы его не командировали во второй раз в Нью-Йорк.

— Но меня поражает другое, более компрометирующее его обстоятельство, — продолжал Мэнли. — По данным наружного наблюдения в период первой командировки Поляков вел себя не очень осторожно. Он был неразборчив в связях с женщинами, часто посещал магазины и покупал в них фототехнику, шубы, золотые кольца, магнитофоны, кожаные пальто и другие товары. При чем по несколько штук. Связи заводил в основном с продавцами.

Возможно, я и заблуждаюсь, но все это никак не вяжется с обликом советского разведчика.

— Так кто же он? — дернулся всем телом начальник отдела Но-лан. — Военный разведчик или военный спекулянт? И что он хочет поиметь от встречи с генерал-лейтенантом О'Нейли?

Мэнли пожал плечами.

— Не знаю. Возможно, хочет достичь каких-то своих личных целей.

— А генерал О'Нейли уже знает о телефонном звонке советского полковника? Если знает, то как он отнесся к его просьбе? — спросил опять Джон Мори.

— Вчера вечером я имел разговор по закрытой связи с мистером О'Нейли, — ответил Нолан. — Он сказал, что встречаться ему с русским при любых обстоятельствах надо, потому что Поляков — его коллега по работе в Военно-штабном комитете и поэтому было бы не совсем правильно и неэтично отказывать ему во встрече. Я согласился с генералом и попросил немного подождать с назначением дня встречи. Когда и где она должна состояться, мистер О'Нейли просил меня сообщить ему через два дня...

— А генерал не возмутится, что вы вмешались в решение этого вопроса? — прервал его Джон Мори.

Заметив улыбку на лице коллеги, Джеймс Нолан, помолчав секунду-другую, сказал:

— Нет, не возмутится. И скорее всего, потому, что я прямо заявил ему о большой нашей заинтересованности в проведении встречи и о том, что мы готовы принять в ней участие. К тому времени у меня родилась идея взять на контакт мистера Полякова. Эта мысль укрепилась во мне после сообщения характеризующих данных на него по предыдущей командировке в Нью-Йорк. Мы ничего не потеряем, если он даже откажется от контакта с нами. Зато мы можем, чем черт не шутит, приобрести хорошего источника в советском представительстве ООН. Если, конечно, сумеем склонить его на свою сторону. Это надо сделать на материальной основе, поскольку русские очень любят американские доллары. На своем веку я немало видел русских типов, которые за доллары соглашались забыть свои коммунистические идеалы и готовы были работать на своего заклятого идеологического врага. Я имею в виду США. Да и вообще

я не высокого мнения о моральном облике этих русских. Считаю, что любого из них можно завербовать на материальной основе. Все дело только в размерах денежного вознаграждения...

Подумав немного, Нолан добавил:

— Между прочим, мы можем завербовать Полякова и по имеющемуся у нас компромату прошлых лет. Было бы лучше, конечно, — начальник отдела ФБР перевел взгляд на Мэнли, — если бы мы располагали новыми компрометирующими материалами по второй его командировке. Поэтому я прошу тебя, Дэвид, поинтересоваться — не появилось ли в отношении русского полковника каких-то свежих фактов его неправильного поведения. Если их нет, то попроси от моего имени поработать за ним более плотно. И пусть попытаются создать ситуации, понуждающие его на совершение противоправных действий, которые можно было бы задокументировать. А теперь давайте определимся, когда и где должна состояться встреча с русским полковником. И кто в ней должен участвовать. И еще: кто должен взять на себя разработку Полякова? — Нолан вопросительно посмотрел на Мэнли, потом — на Мори, ожидая от них конкретных предложений. Первым откликнулся Дэвид:

— Я полагаю, что встречу с русским желательно провести через пару недель. Этим самым мы дадим возможность более плотно поработать «наружке» за интересующим нас объектом. А организовать встречу надо в офисе генерала О'Нейли. Например, под видом проведения приема по какому-нибудь надуманному случаю. Для этого надо официально направить приглашения не только мистеру Полякову с супругой, но и кому-нибудь еще из офицеров советского представительства. И тоже с супругой. Это для того, чтобы советская контрразведка при советском посольстве не заподозрила в чем-то Полякова при посещении им офиса американской миссии. И последнее: разработку его должен начать и довести до прямой вербовки Джон Мори. Он, как участник многих контрразведывательных операций против Советского Союза, лучше, чем кто-либо другой, знает русских, их характер и психологию — вот ему и карты в руки.

Седовласый Джон Мори, по общему признанию своих коллег, в том числе и директора ФБР Эдгара Гувера, был опытным контрразведчиком и поэтому, естественно, больше чем кто-либо, подходил для вербовочной разработки полковника Полякова.

Посмотрев на Мори, Нолан спросил:

— Вы принимаете такое предложение?

Мори улыбнулся и сказал:

— Мне кажется, что вы и без моего ответа все уже решили.

— О'кей, мистер Мори. Я согласен и с другим предложением Дэвида о назначении встречи на 16 ноября. Организацию ее проведения поручаю тебе, Дэвид. Таким образом, русский полковник будет две недели находиться в полном неведении, то есть без ответа на свою просьбу о встрече с генералом О'Нейли. Посмотрим, как он поведет себя во время ожидания этой встречи. А вы оба за это время проверьте его по всем учетам ЦРУ, ФБР, МИ-пять и МИ-шесть. Надо нам узнать о нем все, всю его подноготную!

— Но в душу-то мы, конечно, не залезем... Вы же сами не раз говорили, что русская душа всегда была загадочной.

— Да, это так, — согласился Нолан. — Вот вы и помогите ему раскрыть свою душу, задействуйте для этого весь комплекс проверочных мер. Необходимое информационное обеспечение получите завтра в аналитической службе. И еще раз напоминаю, «наружка» должна до вашей встречи с ним поработать как можно плотнее... Нам очень нужен свежий компромат на него...

Среда, 8 ноября, Нью-Йорк

Полковник Поляков был вне себя оттого, что прошло почти полторы недели, а его просьба осталась без удовлетворения. «Во всем, черт побери, виноват сам: надо было не связываться с Фейхи, а напрямую звонить генералу О'Нейли и просить его о встрече. Теперь вот жди, когда придет ответ от него».

Спокойно работать Поляков уже не мог, ему был нужен кто-то, кому бы он мог довериться, кто сумел бы успокоить его. «Наверное, надо было бы рассказать жене о том, что якобы во имя личной мести ГРУ решил установить контакт с ФБР, — продолжал он размышлять наедине с собой. Потом засомневался: — А что толку, если бы она и узнала? Она, конечно, выслушала бы меня, но не смогла бы ничем помочь. Да и небезопасно это все: Нина может случайно проговориться...» И тут он впервые ужаснулся, поняв, что зашел слишком далеко в своих намерениях. «Может, пока не поздно позвонить Фейхи и отказаться от встречи с главой

американской миссии?» Прислушался к своему сердцу, но оно не ответило. Подошел к окну и отворил его половинку. На улице было темно, шел уже восьмой час, пора бы и домой пойти, но его не покидало ощущение, будто он забыл что-то сделать. Вернувшись к столу, взглянул на телефон и тут решил, что надо позвонить в американскую миссию.

На его звонок ответил опять Фейхи:

— О, я рад, мистер Поляков, что вы позвонили!

В ответ Фейхи услышал раздраженный голос:

— Меня удивляет, что вы, очевидно, забыли о моей просьбе! И если это так, то, может быть, не надо беспокоить генерала О'Нейли?

— Да нет! Вопрос уже решен. Вчера, 7 ноября... Я, кстати, поздравляю вас с сорок четвертой годовщиной Октябрьской революции! Так вот вчера мы направили вам и еще одному вашему коллеге из советского представительства официальные приглашения на прием, который состоится в нашей резиденции 16 ноября...

Что говорил дальше американский полковник, Поляков уже не слушал и, поблагодарив Фейхи, положил трубку...

На другой и в последующие дни Поляков обнаружил за собой активную, чуть ли не любовую слежку, настолько наглую, что ему даже слышны были радиопереговоры сотрудников ФБР. Опасаясь, что своими неумелыми действиями и разговорами в эфире они раскроют его перед «наружкой» советской внешней разведки, Поляков сомневался: стоит ли идти на установление контакта с американцами. Его колебания усиливались еще и неотступными, черными, как стая галок, мыслями о том, что фэбээровцы на первых же встречах постараются выпотрошить из него ценную информацию, а потом откажутся от продолжения контакта. «Можно было бы, конечно, и попросить политическое убежище, — подумал он, — но я не могу один решать судьбу своей семьи — жены и детей. Кроме того, в Советском Союзе остались родители и родственники, которые не знают и не должны знать о моих намерениях». Именно это и побуждало его идти не на измену в форме невозвращения на родину, а только на скрытые контакты с американцами.

Через два дня Полякову позвонил его подчиненный подполковник Анатолий Борисович Сенькин и сообщил, что он и его супруга

приглашены официально на прием 16 ноября в американскую миссию Военно-штабного комитета ООН.

— Это очень хорошо! — воскликнул в ответ Поляков. — Я тоже приглашен туда со своей супругой. Тогда поступаем таким образом: ты должен заказать на тот день посольскую машину. На ней вы заедете за моей женой, а затем уже и за мной. Договорились?

— Так точно!

— Ну вот и хорошо.

Четверг, 16 ноября, резиденция американской миссии

Ночью «Тренту» — такой оперативный псевдоним был присвоен в ГРУ Полякову еще в 1951 году в его первую командировку в США, — приснился тревожный сон¹: будто стоит он перед почтенным старцем около высокой белокаменной церкви, а чуть поодаль улыбался ему лохматый сатана и, подмигивая, манил пальцем к себе. Старец, словно зная его намерения, просил раскрыть их, а сатана в это время отрицательно мотал головой. И тут на него такая оторопь нашла, что он не знал, что сказать в ответ. И тогда старец угрюмо изрек: «Ты живешь непутевой жизнью и при здравом уме своем поступаешь как безумец. Ты получил от Бога сердце, способное наслаждаться чувствами всего истинного, доброго и светлого, а теперь ты убиваешь в себе эти чувства. Ты носишь в себе тяжесть бесовщины и так уже привык к ней, что не замечаешь ее. И даже сам увеличиваешь ее, потому что сатана, оспаривая тебя у Господа Бога, удесятеряет эту тяжесть и гонит тебя к нему. Вيني во всем самого себя, потому что дьявол нашел в тебе что-то такое, к чему можно было пристать. Гони вон его из души, иначе сокрытое зло никогда не замрет в тебе, и от этого будет тебе тесно на Земле и в мире Божьем». В этот момент он очнулся и только тогда понял, что все это привиделось ему во сне...

После сна щемящее чувство тревоги не покидало Полякова весь день. Сон мешал ему собраться с мыслями и на другой день. Придя на работу, он начал просматривать поступившую с утра служебную почту. Но на ум ничего не шло. Отодвинув в сторону лежавшие перед ним документы, он вышел из-за стола и с понурым видом направил-

¹ Из рассказа Д. Ф. Полякова на допросе в Следственном отделе КГБ СССР.

ся к окну. Откинув занавеску, прижался лицом к стеклу и стал смотреть вниз на проходящих мимо людей. Будто привлекаемые какой-то неведомой силой, они то и дело оглядывались на его окно: одни, как ему казалось, укорительным, другие — беглым уничтожающим взглядом. Некоторые, увидев его в окне, словно приходили в замешательство и ускоряли шаги, поправляя на ходу галстук или шляпу. Поляков понял, что его душевное состояние через чувство зрения передавалось другим людям и потому они устремляли на него свой неприязненный взгляд.

Отвернувшись от окна, Поляков подошел к зеркалу, закрепленному на дверце шкафа. Увидев себя, он удивился: на массивной квадратной голове с короткой шеей образовались большие залысины, на высоком лбу появились глубокие морщины. «Поразному, наверно, смотрят на мою физиономию люди, — подумал он. — Одни с уважением, а другие с недоверием или даже с ненавистью...» Самому ему это лицо ничего не говорило, оно было безразлично ко всему...

В этот момент раздался телефонный звонок.

— Дмитрий Федорович, — послышался на другом конце трубки знакомый голос подполковника Сенькина. — Мы ждем тебя в машине...

— Кто мы? — не дал ему договорить Поляков.

— Моя и твоя супруга. Забыл что ли, что нас ждут в восемнадцать тридцать в апартаментах генерала О'Нейли?

— Да-да, Анатолий Борисович, в суматохе дня я совсем забыл об этом, — слукавил Поляков, хотя с самого утра ждал этого часа.

— Не забудь взять зонтик, Дмитрий Федорович, а то дождь идет.

— Я, как и многие американцы, всегда ношу его с собой. Хотя ты не хуже меня знаешь, что если в Нью-Йорке наклевывается дождик, то поднимается такой сильный ветер, что никакой зонтик уже не нужен, потому что его невозможно раскрыть... Хорошо, я выхожу.

На прием в американскую миссию советские офицеры с женами прибыли к точно назначенному времени. Кроме О'Нейли и его супруги в офисе находились полковник Фейхи с супругой и еще трое атлетически сложенных незнакомых мужчин, одетых в смокинги с черными «бабочками». Не представляя их, О'Нейли сообщил, что это его знакомые, занимающиеся изучением русского языка, а при-

глашены они для того, чтобы попрактиковаться в разговорной речи с русскими офицерами. Сенькин и Поляков сразу поняли, кто они и что присутствие их далеко не случайное. Естественно, это стало настораживать и тяготить советских разведчиков, и поэтому за трапезой они старались меньше пить и говорить.

Беседа началась с осуждения американцами ввода советских войск в Венгрию для подавления мятежа антиправительственных сил, затем перешли к обсуждению вопроса об ухудшении советско-китайских отношений и о развертывании американских баллистических ракет, нацеленных на СССР. При этом незнакомцы в смокингах не обмолвились ни одним русским словом, говорили между собой только по-английски.

Прием в американской миссии длился около двух часов. По его окончании первыми вышли на улицу супруги Сенькины и жена Полякова, а сам он был остановлен на пороге офиса одним из незнакомцев, назвавшимся Джоном Муром, который полупшепотом опять же по-английски спросил:

— Почему вы, мистер Поляков, изменили свое решение сообщить генералу О'Нейли что-то очень важное?

Трент вздрогнул, но не растерялся:

— Это было вызвано неуверенностью в моей личной безопасности.

— Я гарантирую ее вам, если вы согласны встретиться со мной на пересечении Шестой авеню с 60-й стрит через полтора часа.

— О'кей, — ответил шепотом Поляков и как ошпаренный выскочил из офиса, прекрасно понимая, что даже небольшая задержка наедине с американцами вызовет подозрение у Сенькина.

Так оно и получилось. Анатолий Борисович заметил его душевное смятение и не удержался, чтобы не спросить:

— Ты чего такой всполощенный?

Невероятным усилием воли Поляков сохранил внешнюю невозмутимость и не растерявшись ответил:

— Они пытались втянуть меня в дискуссию о бывшем министре иностранных дел Молотове и о несправедливости понижения его в должности. Я отказался от обсуждения этого вопроса, сказал, что вы ждете меня на улице, на дожде и, извинившись, убежал от них...

По прибытии в гостиницу «Троцкий» — такая вывеска была над входом в холл, хотя на самом деле отель имел другое название — «Камерун», Поляков предупредил супругу, что вынужден опять на некоторое время уйти из дома по служебным делам. Нина Петровна Киселева — она оставила за собой после замужества девичью фамилию — отнеслась к его предупреждению с пониманием. За шесть лет совместного проживания в Нью-Йорке она знала, что частые вечерние отлучки мужа из гостиницы объяснялись проведением операций по связи с агентами.

Встреча с Джоном состоялась в назначенном месте в половине одиннадцатого вечера. Увидев Полякова, Мори широко заулыбался: он был доволен, что советский разведчик сдержал свое слово и явился на их первую конспиративную встречу. Поскольку дождь на улице еще продолжался, Джон предложил Тренту сесть в машину, и только тогда они отъехали на несколько миль, а затем припарковались в каком-то глухом темном переулке. Американец не стал темнить и скрывать свою принадлежность к спецслужбам США, но при этом не конкретизировал, к какой именно службе он имеет отношение. Лишь по характеру профессионально задаваемых вопросов в лоб, а именно: кем является Трент — «чистым» дипломатом или разведчиком и почему он искал контакт с генералом О'Нейли, а не с представителем ФБР, — Поляков понял, что Джон — фэбээровец, и это обрадовало его. Не испытывая угрызений совести, он точно так же, как и Джон, сообщил всю правду о себе: «Я — военный разведчик, полковник, заместитель резидента по нелегальной работе в США».

Джон Мори впервые в практике своей работы столкнулся с таким податливым русским, который легко шел на контакт и этой своей легкостью вызвал даже отторжение и подозрение: «А не подстава ли он?» И Мори, решившись сразу поставить все точки над *i*, дал понять об этом русскому полковнику:

— Скажите честно, вас внедряют к нам? И также честно ответьте на другой вопрос: вы крепко стоите за советскую власть?

Трент-Поляков улыбнулся и шутивно обронил:

— Вообще-то, конечно, лучше крепко стоять, чем сидеть за нее.

Джон правильно понял его и, весело блеснув белыми зубами, опять спросил:

— В таком случае ответьте и на третий вопрос: почему в первую свою командировку в США вы не искали контакта с нами?

Тут Трент немного растерялся, невольно возникла долгая пауза.

— Если честно, у меня были тогда опасения быть засвеченным вами. Эти опасения остаются у меня и сейчас.

— А вот этого я не могу понять: почему возникают у вас такие опасения? — удивился Джон.

— Да потому что неумело работает ваша контрразведка! При ведении наружного наблюдения за интересующими ФБР советскими гражданами ваши «топтуны» постоянно проявляют в работе недопустимую небрежность. Выражается она в том, что в радиопереговорах при передвижении по улице или в поездках по загородным трассам они называют фамилии контролируемых вами объектов наблюдения. Вы, очевидно, не знаете, что наша контрразведка на вашей же территории успешно осуществляет перехват радиопереговоров американских филеров. И вообще посольская резидентура КГБ круглосуточно контролирует эфир в Нью-Йорке. Отсюда и идут мои опасения...

Сообщение Полякова подействовало на Джона Мори ошеломляюще. Вздвигнув, он сделал большие глаза — это был для него неприятный сюрприз.

— Любое упоминание обо мне в радиоперехватах, — продолжал Трент, — может стать причиной засветки меня перед советской контрразведкой. Именно это обстоятельство и удерживало меня в те годы от установления контакта с вами.

— О'кей, мистер Поляков. С этого дня я готов выполнять функции громоотвода в те моменты, когда молния может ударить в вас. Заверяю, что впредь ваша фамилия не будет фигурировать ни в радиопереговорах, ни в наших сводках, ни в других оперативных документах... Вы будете проходить у нас под другим именем или номером.

Трент кивнул и, одарив его довольной улыбкой, сказал:

— Хорошо. Что от меня требуется?

— На первых порах не очень многое. Если хотите, чтобы мы поверили вам с первой встречи, то, пожалуйста, назовите имена шифровальщиков, которые работают под крышей вашего представительства при ООН, а также и в посольстве СССР в Вашингтоне.

Если не сможете назвать сейчас, то подготовьте список их к следующей встрече.

— Я назову их вам прямо сейчас, — торопливо ответил Трент. — Но только тех, кого знаю точно.

И он назвал Мори шесть фамилий советских шифровальщиков, работавших в заграничных представительствах, аккредитованных в США. Записав их в своем блокнотике, Джон неожиданно спросил пренебрежительным тоном:

— У вас есть ко мне вопросы?

Трент уставился на американца недоуменным взглядом, подумав о том, что, наверное, как он и предполагал, на этом их контакт заканчивается: «Да ему что же? Он получил нужную информацию и аля-улю, ничего больше ему не надо. Потому и не назначает последующую встречу». Испугавшись своего же предположения, он поспешил заверить Мори:

— Поверьте, мистер Джон, я как резидент нелегальной разведки буду вам очень полезен и в будущем. Вы только не провалите меня.

— Это не в наших интересах, мистер Поляков, — спокойно ответил ему Мори. Поняв, что долгой возни с вербовкой русского полковника не будет, он доверительным тоном добавил: — Если я правильно понял, то вы по своей доброй воле готовы с нами сотрудничать?

Вздыхнув облегченно, Поляков ответил кивком, а потом сказал:

— Да, это так. И потому я хочу еще раз заверить, что готов идти с вами до конца, чем бы это ни грозило мне.

Такая навязчивость настораживала Джона Мори, но он, показывая вид, что обрадован его твердым заявлением, прищелкнув пальцами, ободряюще улыбнулся и воскликнул:

— О'кей! А почему вы по своей инициативе идете на сотрудничество с нами, мы поговорим в следующий раз — ровно через десять дней в десять часов утра на девятом этаже вашей гостиницы. Вас устраивает это место?

Поляков замешкался: он жил со своей семьей и семьями других разведчиков на шестом этаже и, естественно, опасался вызвать подозрения от возможно случайной встречи его и Мори с кем-либо из знакомых постояльцев. Это во-первых. А во-вторых, нарушался

принцип конспиративности. И потому он был в душе не согласен с таким его предложением. Но торг в его ситуации был неуместен. Поэтому, опасаясь вызвать отрицательные эмоции у Джона с первой же встречи, он решительно ответил:

— Да!

— Тогда позвольте, я подвезу вас? — предложил Джон Мори.

— Нет, спасибо. Я доберусь общественным транспортом. Так будет безопаснее...

Когда Поляков вышел из машины, то у него возникло ощущение, что за ним кто-то наблюдает. Заподозрив это, он как опытный разведчик решился на небольшой эксперимент: перешел на другую сторону переулка, несколько раз проверился и, не обнаружив ничего подозрительного, поспешил к остановке такси. Перед тем как сесть в машину, оглянулся. Вокруг в столь позднее время на улице никого не было. Поняв, что стали сдавать нервы, он заставил себя немного успокоиться...

Вторник, 21 ноября, Нью-Йорк

После встречи с Джоном Мори настроение у Полякова было хуже некуда, он постоянно ощущал безысходность своего положения и опасную зыбкость под ногами. Понимая, что совершил предательство и зашел слишком далеко, что теперь уже не выбраться из капкана, в который добровольно загнал сам себя, он все чаще стал уединяться в своем кабинете. Ему казалось, что он отрешен от разведывательной деятельности и что движется по какой-то никого не интересующей, бесполезной орбите. Голос разума подсказывал, что он совершил непоправимую ошибку, которой нет оправдания. Он и сам до конца еще не осознавал, что толкнуло его к такому подлому поступку. «Ведь ничто не угрожало моему существованию и благополучию. И здесь, и в Москве. Что же со мной происходит? Я ли это?» — не раз задумывался он.

Зыбкость его положения усиливалась еще и от кажущегося недоверия со стороны американца Джона. «Надо же такому быть: я выдал ему имена шестерых шифровальщиков, а он все еще смотрит на меня с недоверием и подозрением, — возмущался Поляков. — Ничего не понимаю! То ли он завербовал меня, то ли это была ознакомительная беседа? Возможно, после того как они убедятся, что

я назвал подлинные фамилии, они оценят это и займутся мною более серьезно».

В дополнение к этим мыслям Полякова продолжал мучить и такой вопрос: «Неужели Джон в самом деле подозревает, что я — подстава КГБ?» Отогнав эту неотвязчивую, угнетающую его мысль, он начал опасаться, что контрразведка ПГУ может засечь его контакты на последующих операциях по связи с Джоном Мори. Чтобы погасить такие опасения, Поляков начал злоупотреблять спиртным. Это не осталось без внимания его жены. Она стала все чаще замечать, что муж в последнее время — сам не свой, стал часто пить, ведет себя замкнуто, разговаривает с нею нехотя и скупно, словно боясь сболтнуть лишнее. Было видно, что он скрывает что-то. Она сообщила об этом его коллегам, проживавшим в том же отеле, однако никто из них не придал этому значения.

По прошествии еще некоторого времени она не выдержала и спросила у него:

— Что с тобой происходит, Дима? Почему ты такой скованный стал? Может, у тебя что-то случилось? Или ты заболел?

— Ничего у меня не случилось! И не задавай мне больше глупых вопросов! Помалкивай, а не то нам всем плохо будет! — огрызнулся он, досадуя больше на себя за то, что его переживания заметила жена.

Нине Петровне его объяснения не понравились:

— Это почему же нам плохо будет?

Он понял, что сказал не то, что нужно, и тут же начал оправдываться:

— Ну что ты изводишь меня своими ненужными вопросами? Ты же видишь, что отвечать мне нечем. Если бы даже и знал, что отвечать, то все равно бы промолчал.

— Это что же за такая запретная тема? — возмутилась она.

— Да нет, тема не запретная.

— Тогда в чем же дело?

— Дело в том, что есть такой закон: что бы ты ни сказал вслух, завтра же об этом будут знать все, даже кого это не касается и кого следует опасаться.

И тут она разозлилась, махнула рукой:

— Ну хватит мозги мне пудрить! Неужели ты не замечаешь, что я перестаю понимать тебя?

— А чего тут непонятного! — хмыкнул он. — Вот когда под зад коленом дадут мне, тогда ты поймешь, как жить дальше без меня.

Лицо жены мгновенно помрачнело. И тут он спохватился, поняв, что сказал опять не то, что нужно. Явно недовольный, что не смог скрыть своего раздражительного состояния перед супругой, что сболтнул ей лишнее, он стал успокаивать себя: «Все решения уже приняты, повлиять уже ни на что нельзя и волноваться теперь нечего. Да и не тот сегодня день, чтобы опасаться разоблачения. Тот день еще не скоро придет и от него мне никуда уже не деться. Уж он-то все расставит на свои места. Вот его и надо бояться! А сегодняшний, завтрашний и все последующие дни, недели, месяцы, а может быть, и годы — это время пока для приятных бесед, увеселений и благ. И все-таки Нину надо успокоить и объяснить, почему я такой нервный стал...»

И он объяснил ей, что его беспокоят последнее время служебные дела. — Бегаю с утра до вечера, как Бобик, пытаюсь делать все хорошо, а нашему начальству никак не угодишь: все не то, все не так.

— Ну уж если тобой, трудягой, недовольны, то кто же тогда пользуется расположением у твоих шефов?

И она обиженно удалилась в другую комнату, а он, уединившись в своей комнате, снова выпил стакан виски. Однако алкоголь не брал его, и он опять погрузился в неприятные размышления о своей дальнейшей судьбе. Все существо его продолжала разрывать борьба мотивов. Закрадывалась мысль отказаться от сотрудничества с ФБР и тем самым предотвратить непредсказуемые последствия за измену Родине. При одной этой мысли тело его тряс нервный озноб. «Что же делать? Как поступить в этой ситуации?.. Чтобы этот вопрос больше не мучил меня, надо ответить прямо и честно самому себе на вопрос: с кем я, с ними или против них? Но в случае отказа от продолжения сотрудничества фэбээровцы смешают меня с дерьмом или просто ликвидируют без всякой огласки. Но это еще полбеды, может получиться и гораздо хуже, если ФБР передаст досье на меня в советское посольство. Нет, как ни крути, а назад пути нет!»

И он твердо решил: «С ФБР и ЦРУ надо сотрудничать. Главное, надо продать себя как можно подороже. А опасности провала

мне не стоит бояться. Не так-то просто будет расколоть меня — профессионала, знающего методы работы КГБ и их технические возможности. В конце концов, кто не рискует, тот не пьет шампанского...» И Поляков опять налил себе виски и одним глотком осушил стакан до дна.

Потом подошел к окну и начал по привычке смотреть вниз с шестого этажа отеля. У черного лимузина стояла группа улыбающихся молодых американцев с букетами ярких цветов. Это вызвало у него чувство зависти к веселым и беззаботным ребятам, которым не нужно было думать о том, что будет с ними завтра. «Они и завтра, и послезавтра будут жить так же весело и безмятежно, как сегодня. А что будет со мной?» — задумался опять Поляков. В памяти его невольно всплыли воспоминания о прожитых годах — путанные и неприятные. Трудное детство и юношество в Старобельске Луганской области, жестокие бои в Великую Отечественную войну и полное разочарование в советской действительности после смерти Сталина. Особенно при захватившем власть Никите Хрущёве. Его маршматические лозунги «о коммунизме не за горами», неспособность отвечать на вызовы быстро меняющейся ситуации в стране и мире, авторитаризм в решении внешнеполитических и внутриэкономических проблем разрушили идеологические устои Полякова и толкнули его в стан противника. Подорвало его веру в руководящую верхушку партии и навязанное Хрущёвым осуждение культа личности Сталина, разоблачение антипартийной группировки во главе с Молотовым, а также снятие с должности и увольнение из Вооруженных сил министра обороны СССР, маршала Георгия Жукова.

Воскресенье, 26 ноября, штаб-квартира ФБР

Перед тем как провести вторую встречу с советским полковником Поляковым, начальник отдела ФБР Джеймс Нолан пригласил к себе Джона Мори и Дэвида Мэнли для обсуждения тактики ведения беседы с объектом их заинтересованности. Нолан сообщил им, что в целях зашифровки полковнику Полякову, как дипломату, присваивается оперативный псевдоним Топхэт¹.

¹ В переводе с английского языка «Цилиндр». Так американцы называют сотрудников, работающих в дипломатических учреждениях за границей.

— В документах и личных беседах он будет с сегодняшнего дня фигурировать под этой кличкой, — предупредил Нолан. — А теперь о двух досье на Топхэта. Одно велось со дня его приезда в первую командировку в США с тысяча девятьсот пятьдесят первого года по пятьдесят шестой, другое — с пятьдесят девятого по сей день. Ознакомившись с этими двумя досье, я не могу понять, что заставило советского полковника, заместителя резидента ГРУ пойти на добровольное услужение своему главному противнику? Поэтому я ставлю перед вами задачу — попытаться разговорить Топхэта и выяснить, что же побудило его встать на нашу сторону. С выяснения именно этого вопроса, — начальник отдела смотрел на Мэнли, — вы и должны начать с ним беседу... — Видя недоуменный взгляд Дэвида, Нолан сделал паузу и, глядя на него, вежливо спросил:

— Тебя, очевидно, удивляет, почему я обращаюсь в том числе и к тебе?

Дэвид кивнул и негромко обронил:

— Да, меня это удивляет. Почему вдвоем надо ехать из Вашингтона в Нью-Йорк на проведение беседы? Вы считаете, что Джон не справится один?

Нолан улыбнулся и полушутя сказал:

— Твое присутствие, Дэвид, необходимо для того, чтобы Топхэт в беседе один на один не перевербовал уважаемого нами Джона на свою сторону. А если говорить серьезно, то мне, как, наверное, и вам, не хотелось бы попасть под пресс «Тошего Джима»¹. Вы же хорошо знаете, что мистер Энглтон смотрит на вербуемых нами русских как на реальных «кротов»². А главное, потом невозможно доказать обратное, поскольку его поддерживает сам Аллен Даллес³. Он дал «Тошему Джиму» полную власть в манипулировании всеми контрразведывательными операциями. Поэтому, чтобы не быть нам троим уволенными, надо убедиться — не подстава ли он? К тому же

¹ Джеймс Джезус Энглтон — директор Управления контрразведки ЦРУ США с 1954 по 1974 год. Был свято убежден в том, что органы госбезопасности СССР постоянно пытаются внедрить агентов в ЦРУ.

² Агент, проникший в разведку или контрразведку противника.

³ Директор ЦРУ США в 1953–1961 годы. При нем ЦРУ подготовило и в апреле 1961 года осуществило попытку вторжения на Кубу. Высадка вооруженных отрядов кубинских контрас закончилась полным провалом, после которого Даллес вынужден был уйти в отставку.